Дамский мастер

Автор:
И. Грекова

Дамский мастер

И. Грекова

«Я пришла с работы усталая, как собака. Мальчишки – ну, конечно! играли в шахматы. Это какая-то мужская болезнь. Я сказала:

– Черт знает что такое! Опять эти дурацкие шахматы. До каких пор?

На столе было типичное свинство. Пепельница разбухла от окурков. В пивных бутылках медленно надувались и лопались гигантские пузыри…»

И. Грекова

Дамский мастер

1

Я пришла с работы усталая, как собака. Мальчишки – ну, конечно! играли в шахматы. Это какая-то мужская болезнь. Я сказала:

– Черт знает что такое! Опять эти дурацкие шахматы. До каких пор?

На столе было типичное свинство. Пепельница разбухла от окурков. В пивных бутылках медленно надувались и лопались гигантские пузыри.

– Типичные свиньи, – сказала я. – Дела у вас нет, что ли? И это накануне сессии…

– Лапу, – подобострастно сказал Костя.

– Не будет тебе лапы. Свиньи, иначе не назовешь. Приходишь домой как в кабак. Хоть бы один раз пепельницу за собой вынесли! Неужели я, пожилая женщина…

– Прикажете возражать? – спросил Коля.

– Прекратить хамство! – крикнула я.

– Лапу, – потребовал Коля.

Мне улыбаться совсем не следовало, но губы как-то сами разъехались, и я дала ему руку.

– Не ту! – заорал Коля как оглашенный. – Левую, левую!

(Левая ценится дороже – на ней родинка.)

– А мне и правая хороша, мы – люди маленькие, – сказал Костя.

Я дала ему правую. Оба прицеловались – каждый к своей руке. Две наклоненные головы. Соломенно-желтая и угольно-черная. Дураки мои. Сыновья мои. Только не думайте, что вы дешево отделались. Я еще сердита.

– Сейчас же убрать со стола! – крикнула я, чтобы не демобилизовываться.

Костя, кряхтя, взвалил на плечо пепельницу, Коля стал вытирать стол какими-то брюками.

Голодная я была, как собака.

– Обедали?

– Нет. Тебя ждали.

– А дома что-нибудь есть?

– Ничего. Сейчас сбегаем.

– Нет, это черт знает что такое, – сказала я, распаляя себя. – Неужели же…

– …ты, пожилая женщина… – услужливо подсказал Коля.

– Да! Я! Пожилая женщина! – заорала я. – Да, черт возьми! Пожилая! Работающая! Вас, дураков, воспитывающая!

– Но, заметьте, не воспитавшая, – скромненько вставил Коля.

– Да, к сожалению, не воспитавшая! Вся жизнь к черту! Ни за грош пропала жизнь!

– Не гоношись, подруга, – миролюбиво сказал Костя.

Я взяла бутылку и хотела бросить на пол, но не бросила.

– Нет, хватит с меня этого кабака. Уеду от вас. Живите сами.

– Живи и жить давай другим, – снова ровненьким голоском сообщил Коля.

– Довольно дурацких замечаний! Я говорю серьезно. Жизнь – не цирк.

– Как вы сказали? – переспросил Костя. – Жизнь – не цирк? Разрешите записать.

Он вынул записную книжку, послюнявил карандаш и нацелился.

– Жизнь… сами понимаете… жизнь… не… цирк, – записал он.

– И вообще, – перебила я его очень громко, – мне это все надоело! Надоело! Понятно вам? Уеду в Новосибирск. Или, еще лучше, выйду замуж.

– Ото! – заметил Костя. – Это дает!

– А что? По-вашему, я уже не могу ни за кого выйти замуж?

– Только за укротителя, – сказал Коля.

Тьфу, черт возьми!

Я вышла и хлопнула дверью.

Молока бы выпить, что ли. Я открыла холодильник. Он был пустой и обросший, с одной-единственной увядшей редиской на второй полке. Не холодильник, а склеп. Никакого молока, разумеется, нет и в помине. А утром было. «Спороли», как говорила покойная няня.

…Нет, хватит с меня этого, хватит, думала я, расчесывая волосы и со злобы выдирая целые пучки. Не могут два молодых идиота сами о себе позаботиться, не говоря уж о матери… Подумаешь, «лапу»! Лижутся, а мать голодная. Надоело все, надоело… И эти волосы дурацкие, ни два ни полтора; полудлинные, неухоженные… А сколько седых появилось! И все на каких-то нелепых местах, например, за ушами, не то что у людей, те благородно седеют – с висков… Глупо седею, бездарно. А эти самодельные букольки на лбу! Сама, старая дура, на бигуди закручивала. Спать больно, плохо…

…Не буду им готовить обед, пусть сами о себе заботятся…

А с волосами этими что-то нужно делать. Остричься, что ли? Жалко… Уже года три, как отращиваю, столько трудов пропадет… Нет, хватит, остригусь. «Остригусь и начну» – так говорил мой папа. Беспокойно жил мой папа, до самой смерти все хотел «начать»… «Остригусь и начну»…

– Я ухожу, – сказала я мальчикам.

– Куда? – спросил Костя.

– Замуж, – ответил Коля.

2

А улица была прекрасная, вся в свежих каплях недавнего дождя. Листья на липах – светлые, новенькие, отлакированные, и поливальная машина катилась, сияя радугой, зачем-то поливая уже мокрый асфальт. Я купила мороженое и шла, покусывая твердую, украшенную розой верхушку. Зубы тихонечко ныли, но мне было хорошо так обедать – на ходу, мороженым. Что-то студенческое.

Ноги еще легки, весенний день еще длинен, люди идут, торопятся, много хорошеньких, остригусь и начну.

А вот и парикмахерская. В огромной витрине – фотографии девушек в масштабе три к одному, каждая натужно бережет прическу. Надпись: «Здесь производятся все виды обслуживания в порядке общей очереди».

Идти так идти. Я потянула высокую тяжелую дверь с вертикальной надписью: «К себе». Внутри пахло сладким одеколоном, паленым волосом и еще чем-то противным. Сидело и стояло десятка два женщин.

У, какая очередь! Может, уйти? Нет, решено, выстою.

Я спросила:

– Кто последний?

Несколько голов повернулось ко мне и не ответило.

– Скажите, пожалуйста, кто последний?

– Здесь последних нет, – сострила черномазенькая с задорным зубом.

– Крайнюю ищете, гражданочка? – спросила пожилая, в голубых носочках, с седоватой мочалкой на голове. – Крайняя будто за мной занимала, да ушла.

Руки у нее были красные, натруженные и тяжело лежали между колен.

– Так я буду за вами, можно? А как вы думаете, товарищи, сколько придется ждать?

– Часа два в крайнем случае, – ответила пожилая.

Другие молчали. Одна из них, статная, белая, как-то по-лебединому повернула шею, прошлась по мне ярко-синими глазами и отвернулась.

Я, говорят, не робкого десятка, но почему-то робею женщин. Особенно когда их много и они заняты каким-то своим, женским делом. Мне всегда кажется, что они должны меня осуждать. За что? А за что придется. За мой почтенный возраст (тоже красоту наводить пришла!), за очки, английскую книгу в авоське. В этой очереди меня сразу потянуло к той, пожилой, в носочках. И она, видно, тоже заприметила меня. Две бабушки. Она потеснилась на стуле, давая мне место.

– Садись, чего там. Сказано, в ногах правды нет.

Я осторожно примостилась на самый краешек.

– Да ты не бойся, всей задницей садись. Поместимся: у меня-то постная. Была, да вся вышла.

Уселись.

– Хочу шестимесячную сделать, – сказала она. – Боюсь, муж любить не станет. Что-то начал к одной молодой похаживать.

– А дети есть?

– Сыновья. Двое.

– И у меня двое.

– А муж гуляет?

– Нет у меня мужа.

Она помолчала.

– Кому как повезет, – сказала она, подумав. – У меня хоть и гуляет, да не пьет, а у тебя и вовсе нет. Ты все-таки не бросай, надейся. Не такая уж слишком пожилая, из себя полная.

– Я не бросаю, – сказала я.

– Следующий! – крикнул из дверей жирный мастер в белом халате, с ярко-зеленым галстуком.

Черненькая с зубом подскочила и ринулась вперед.

Женщины загалдели.

– Не ее очередь!

– Не пускать!

– Я на шестимесячную, – отбивалась она.

– Все на шестимесячную!

– Я тоже на шестимесячную! – пискнула я.

– Сказано: все виды операций…

– В порядке общей очереди! А это разве порядок?

Общая очередь орала и волновалась.

– Не хулиганьте, гражданочка, – сказал жирный. – Всех обслужим, как один человек, будьте уверены.

Черненькая прошмыгнула в зал. Шум продолжался.

– Он с ней живет, – сказала белая, с лебединой шеей.

– Ну что ж, что живет… Порядок тоже нужно знать. Мало ли кто с кем живет.

– А вот потребуем жалобную книгу…

– Заведующего…

– Позвать заведующего!

Седая старушка за барьером гардероба взялась за вязанье. В кабине кассы розовая кассирша в голубом от белизны халате зевнула, вынула зеркальце и, напряженно растянув рот, стала ваксить толстые ресницы.

Именно эти ресницы меня взорвали. Робости как не бывало. Я подошла к кассе:

– Жалобную книгу.

Она поглядела неприязненно:

– А че вам нужно жалобную книгу?

– Не ваше дело. Любой посетитель в любой момент может потребовать жалобную книгу.

Очередь зарокотала, теперь уже против меня:

– Сразу чуть что…

– Одного человека приняли, а она жалобную книгу…

– Она в жалобную напишет, а людям неприятности…

– Тоже понимать нужно… Работают люди…

Не любят у нас жалобщиков. Но я уже закинулась.

– Гражданка, – сказала я голосом милиционера, – если вы мне сейчас же не дадите жалобную книгу…

Кассирша вышла из кабины:

– Я вам сейчас заведующего позову.

Вышел заведующий – чернокудрый детина с лицом мясника:

– Чего вам, гражданка?

Я объяснила ему, что мастер только что принял женщину без очереди. Ссылалась на свидетелей, но те молчали. Он выслушал меня без выражения лица и потом крикнул в зал, как кличут собаку:

– Роза!

Вышла конопатенькая парикмахерша в марлевом тюрбане.

– Роза, обслужишь гражданку без очереди.

– Слушаю, Руслан Петрович.

– Да разве я об этом? – заволновалась я. – Да разве мне нужно без очереди?

Руслан повернулся и вышел.

– Роза, – обратилась я к ней, – поймите, я совсем не о себе. Я только против беспорядка.

– Сами беспорядок делаете, несознательные, – сказала Роза и тоже ушла.

Я вернулась в очередь. Женщины молчали. Даже пожилая в носочках не подвинулась, а крепко сидела на своем стуле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/i-grekova/damskiy-master-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити